

ҒЫЛЫМИ ӨМІР
SCIENTIFIC LIFE
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Т. Алланиязов

Жезказганский университет, г. Жезказган, Казахстан

ВСКРЫТЫЕ ЛИКИ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА

В исторической науке Казахстана сегодня мы наблюдаем беспрецедентный историографический факт – появление смелой по замыслу, оригинальной по форме и новаторской по содержанию монографии в документах «Скрытые лики террора: История в документах и судьбах», авторами которой являются Ильяс Козыбаев и Альбина Жанбосинова (Астана, 2024, 340 с.).

Основанием нашего оценочного суждения является следующее: а) публикация большого массива впервые вводимых в научный оборот документов широкого жанрового диапазона, позволяющая увидеть лица непосредственных организаторов и конкретных исполнителей широкомасштабных репрессивных акций в эпоху так называемого «Большого террора» и после выхода из него; б) наличие в монографии двух вводных статей («Историографическая ситуация» и «Ежовые рукавицы» для чекистов. Эхо Большого террора», которые дают уникальную возможность ознакомиться с объективной характеристикой процесса изучения отечественными историками репрессивной политики (в первом случае) и содержательным анализом практики борьбы НКВД против НКВДшников в период так называемого «восстановления социалистической законности» (во втором случае).

Появление рецензируемой книги свидетельствует о том, что историки Казахстана вслед за российскими, украинскими, канадскими и германскими исследователями¹ также приступили к

разработке актуальной для Отечественной историографии проблематики, связанной с кампанией по чистке рядов НКВД Казахской ССР.

Начнем с основного раздела монографии «Документы свидетельствуют». Он состоит из следующих подразделов: «Кадровая политика и партийный облик работников НКВД», «Восстановление социалистической законности и эго-документы террора», которые соответственно включают в себя 30 и 22 документа. Подобное структурирование свидетельствует о продуманном авторском подходе к архитектонике основного раздела монографии, основанном на глубоком знании первоисточников, их жанрового разнообразия и информационного потенциала каждого отдельного документа и опирающегося на знание научной теории и исследовательской практики создания подобного рода монографий.

Представленные в основном разделе материалы, извлеченные из АПРК, СГА КНБ РК, СГА ДП ВКО и Алматы, документальных публикаций и личных авторских коллекций, являют собой широкую видовую палитру – от протоколов партийных собраний и оперативных совещаний работников НКВД Казахской ССР до документов ЦК КП(б) Казахстана, обвинительных заключений, доносов и заявлений подследственных чекистов во властные структуры. Бес-

¹ Эхо Большого террора: сб. док. В 3 т. Т.1. Партийные собрания и совещания сотрудников управлений НКВД УССР (ноябрь 1938 – ноябрь 1939, сост.: В.Васильев, Л.Виола, Р.Подкур. М.: Пробел-2000, 2017. 736 с.; Т.2. Документы из архивных уголовных дел на сотрудников органов НКВД УССР, осужденных за нарушения социалистической законности (октябрь 1938 г.- июнь 1943 г.) Кн.1. НКВД Молдавской АССР, Дорожно-транспортный отдел

ГУГБ НКВД Северо-Донецкой железной дороги, УНКВД по Житомирской области и УНКВД по Одесской области / составители Сергей Кокин, Джеффри Россман. М.: Пробел-2000, 2018. 720 с.; Т.3.: Чекисты Сталина в тисках «социалистической законности». Эго-документы 1938-1941 гг. /Сост. А.Савин, А.Тепляков, М.Юнге. – М.: Пробел-2000, 2018. 928 с.; Суржикова Н.В. «Я арестован и заключен под стражу совершенно незаслуженно...» Чекисты Сталина в тисках «социалистической законности» // Вестник архивиста, 2020, №4. – С.1273-1279.

прецедентные по своей новизне, оглушительные по содержанию и достоверности представленных в них сведений они, в своей совокупности, выводят на качественно новый уровень научные представления: о кадрах казахстанских чекистов; их реальном и придуманном облике; ожесточенной межгрупповой и межличностной борьбе внутри НКВД Казахской ССР аналогичной схватке скорпионов в стеклянной банке; малодушном, по своей сути, поведении в процессе превращения вчерашних злодеев в жертвы; ходе и результатах борьбы «добра» (партии) со «злом» (зарвавшимися чекистами). Тем самым эти материалы вносят существенный вклад в исследование специфики протекания «Большого террора» в республике и способствуют расширению проблематики истории органов госбезопасности Казахстана.

Документы в отдельности неравнозначны по своей информативности, но сгруппированные в соответствующих подразделах, во взаимодействии друг с другом полноценно вскрывают скрытые ранее лики тех, кто принимал участие в широкомасштабных террористических акциях против своего народа, а затем попавших под топор репрессий в силу логики средств и методов, использованных Сталиным для выхода из водоворота «Большого террора».

Особо следует выделить представленные в монографии эго-документы, которые дают возможность увидеть события глазами тех, кто по своей воле вначале был субъектом жесточайшей социального эксперимента, а затем стал объектом не менее жесточайшей кадровой чистки в собственных рядах.

Все документы сопровождаются архивной легендой и археографическими пояснениями. Однако лишь пятая часть из них сопровождается именными комментариями – №№ 21, 27, 29, 31, 38, 39, 40, 41, 51 и 52. Большая часть упоминаемых в текстах документов фамилий не прокомментирована, что снижает качество археографического оформления документов и их информативного потенциала.

В документе №41 отсутствует расшифровка аббревиатуры УМ при воспроизведении должности одного из подписантов (с.283). Из контекста вытекает, что это управление милиции. Кроме того, обращает на себя внимание неточности, содержащиеся в археографических пояснениях к документам №№ 22, 24, 39 и 41 (с. 215, 217, 273,

283). Здесь указано, что автографы сделаны «синей ручкой», а не «синими чернилами».²

Публикацию документов предваряет аналитический по содержанию, богатый по фактажу и ценный по тщательно выверенным суждениям и наблюдениям краткий исторический очерк, высвечивающий ключевые аспекты истории органов госбезопасности Казахстана в 1920-1930-е годы. В их числе – статистические выкладки касательно кадрового состава НКВД республики; характерные черты коллективного портрета казахстанского чекиста второй половины 1930-х годов; «кухня» внутренних разборок между сотрудниками НКВД; результаты межличностных отношений между подчиненными и руководителями; биографические зарисовки и послужные списки отдельных сотрудников госбезопасности; характер, содержание, направленность и последствия кадровых чисток в НКВД республики инициированных центральным аппаратом НКВД СССР; восприятие чекистами «борьбы с ежовщиной»; пути восполнения образовавшегося в результате репрессий дефицита кадров госбезопасности с характеристикой качественного и количественного состава оперативных работников, статистика кадрового обновления по вертикали. В основу очерка были положены творчески переработанные тексты четвертого, пятого и шестого разделов изданной в 2019 году авторской книги «Большой террор» в Казахстане».³

В тексте очерка автор приводит фрагмент из воспоминания зампреда СНК Казахской ССР В.Лазарева, который обратил внимание на то, что руководители областных управлений НКВД встречались с партийными работниками лишь на заседаниях, при этом «они были сухи и малоразговорчивы» (с.54). В противовес этому на районном уровне, как показывают протоколы пленумов и конференций Карсакапайского РК ВКП(б) за 1937-1938 годы наблюдаются частые и многословные выступления руководителей РО НКВД.⁴ Думается, что этот момент будет учтен при разработке данного сюжета в контексте истории органов госбезопасности Казахстана.

² Здесь остается лишь догадываться каким образом составители сборника разглядели цвет деревянной перьевой ручки, которой пользовались авторы документов.

³ «Приезд эмиссаров Берии в Казахстан», «Сотрудники НКВД: анфас и профиль», «Смена декораций».

⁴ См.: Государственный архив области Улытау. Ф.141. Оп.1. Д.Д. 337, 338, 339, 341, 361.

Касааясь очерка «Историографическая ситуация» отметим следующее. Выполненная по всем канонам историографической науки данная публикация привлекает внимание не только своим аналитическим содержанием, вскрывающем состояние изученности репрессивной политики в казахстанской историографии. Представленные сюжеты в части оценки процесса создания и деятельности Госкомиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий 1920-1950-х годов написаны в острополюемическом ключе. Им предшествует критическая оценка деятельности общественного объединения «Қаһармандар» во главе с «неугомонным⁵ борцом за торжество справедливости» С.Касымовым, в том числе и его инициативы в части подготовки «эмоционально-сумбурного» письма во власть о необходимости реабилитации народных героев, боровшихся за свободу и независимость Казахстана, рассекречивании архивов и ряда других «больных» вопросов Отечественной истории 1920-1930-х годов; взвешенная характеристика Заключения «О полной юридической и политической реабилитации жертв политических репрессий в Казахстане» подготовленного экспертами из числа ученых и общественных деятелей.

Подводя итоги деятельности Госкомиссии за 2021-2023 годы и ее рабочих групп в центре и на местах, автор отметил как заметные успехи, так и серьезные недостатки принципиального характера, вскрыв при этом ряд узких мест при реализации задач Госкомиссии. В их числе – качественный состав привлеченных специалистов, который оставлял желать лучшего⁶; популист-

⁵ Думается, что подобный термин, избранный автором очерка, больше годится для публицистических работ, а не для научно-исследовательских.

⁶ К середине 2022 года почти вдвое (из 55 осталось 26) был сокращен состав рабочих групп, а сами 11 групп были сведены в 3 группы с соответствующим расширением их проблематики. Это, на наш взгляд, было вызвано наступившим к тому времени прозрением руководства Проектного офиса в отношении качественного состава привлеченных ранее специалистов. Часть из них была представлена юристами весьма далекими от репрессивной тематики, остальную часть представляли историки и политологи со степенями, которые играли роль «свадебных генералов» и, по сути, являлись балластом, если взять во внимание то, ЧЕМ они занимались, КАК они выступали на различных форумах и ЧТО писали в своих «научных» статьях. Эти кадровые пертурбации не улучшили ситуацию, к тому же имели место случаи, когда под различными предлогами избавлялись от профессионально подготовленных историков, подменяя их разными прочими демографами.

ские действия отдельных членов Госкомиссии; кампанейщина и рапортомания вместо продуманной и организованной реализации задач поднятых в программной статье Президента «Независимость дороже всего»; узконаправленная деятельность рабочих групп, не охватывавших полностью хронологию репрессий и, к тому же, дублировавших друг друга; торпедирующая роль ошибочно декларируемого тезиса «о полной реабилитации жертв политических репрессий»; неготовность подавляющего большинства членов рабочих групп к работе с документами, отложившимися в результате деятельности органов госбезопасности, в том числе и в силу непонимания ими структуры репрессивного аппарата, специфики ведомственной документации и неспособности читать тексты, написанные с помощью арабицы и латиницы; слабовыверенный алгоритм работы Госкомиссии по реабилитации.

В последнем случае приведен ряд серьезных аргументов в пользу данного суждения, в том числе связанных с наличием дел по ряду категорий репрессированных граждан, расширением фронта поиска и применения оптимальных поисковых методов, забвении опыта работы комиссии А.Яковлева в годы перестройки.

Особо следует выделить суждения автора, касающиеся прогнозов возможных последствий работы Госкомиссии, которые наполнены оптимистическими нотками и сопровождаются конструктивными предложениями на перспективу.

Теперь о некоторых недостатках, упущениях и чрезмерно оптимистических надеждах автора очерка.

Критически высказываясь относительно качественного уровня кадров специалистов, привлеченных для работы в Госкомиссии ранее не занимавшихся репрессивной проблематикой и констатируя факт упущенного времени в силу их неподготовленности к погружению в суть проблемы, автор подчеркнул, что «вероятно целесообразнее было подключить к разработке темы *молодой, мобильный и специализирующий-ся на проблеме коллектив* (курсив наш. – Т.А.) при опоре на ученых старшего поколения в роли научных консультантов. Этим достигалась бы эффективность, методичность и планомерность в работе на долгую перспективу» (с. 34).

Альтернатива, предложенная автором, сама по себе привлекательная, но она заслуживала бы внимания в случае указания адресата находже-

ния подобного коллектива⁷. На наш взгляд, Отечественная историческая наука в силу многих объективных и субъективных факторов за последние три десятилетия настолько деградировала⁸, что сегодня ни в вузах, ни в специализированных научных учреждениях молодые (надо понимать в возрасте от 30 до 40 лет) квалифицированные историки практически не имеют места быть. И даже, предположим, если бы их отыскали, то при условии, что Госкомиссия с самого начала поставила жесткие хронологические рамки – 3 года – для выполнения поставленных задач о «работе на долгую перспективу» не могло быть и речи. Что касается ученых старшего поколения, которым уготавливалась роль научных консультантов, то они вряд ли согласились с такой «участью», учитывая их амбиции и роль материального фактора.

Касааясь авторского суждения относительно не использования опыта комиссии Яковлева, следует отметить, что в данном случае автор, вероятно, упустил из виду отсутствие в республике на современном этапе казахстанского Яковлева, обладающего необходимой харизмой организатора и руководителя, наличие достаточного числа высококвалифицированных и прекрасно мотивированных кадров, какими обладали общесоюзные научно-исследовательские учреждения⁹. К тому же, как нам представляется, ценный

⁷ Вряд ли к подобным научным центрам можно отнести Институт истории и этнологии имени Ч.Ч.Валиханова (Алматы), Институт истории государства (Астана), Исторический факультет КазНУ имени Аль Фараби (Алматы), Исторический факультет ЕНУ имени Л.Н.Гумилева, НИЦ «Ел тарихы» ЕНУ имени Л.Н.Гумилева (Астана), не говоря уже об Исторических факультетах периферийных вузов.

⁸ В РК в результате 30-летней провальной политики подготовки научно-исторических кадров так и не были возвращены молодые и профессионально дееспособные исследователи. Свидетельством тому, как сами научные руководители докторантов, имеющие в своем творческом арсенале в лучшем случае пару-тройку серьезных монографий, так и собственно их докторанты и кандидаты наук, подавляющее большинство которых после защиты так и не смогли подготовить серьезные монографические исследования, ограничиваясь лишь статьями в забытых Богом научных сборниках центральных и периферийных вузов.

⁹ Такой руководитель и такие возможности были в 1989 году, когда была создана Комиссия Верховного совета Республики Казахстан во главе с Манашем Козыбаевым, достигшая известных результатов к 1992 году и которая могла бы эффективно, методично и планомерно работать, наращивая необходимую теоретическую и фактическую базу по репрессивной тематике на перспективу, но в силу турбу-

и полезный опыт работы комиссии ЦК КПСС в условиях, когда исподволь декларируется тезис о «десоветизации и деколонизации» исторической науки, вряд ли был бы востребован теми, кто инициировал, сформировал, контролировал и направлял деятельность Госкомиссии.

От очерка «Историографическая ситуация», с учетом его целей и задач, правомерно было ожидать подробного анализа конкретных результатов работы Госкомиссии в виде опубликованных документальных сборников и монографий в количестве 33 штук, а также оценки проблематики и научного уровня докладов и статей в ходе работы трех (2021, 2022 и 2023 годах) профильных конференций. Однако автор очерка дипломатично обошел этот момент, отметив лишь отсутствие среди печатной продукции Госкомиссии «сюжетов в контексте данной монографии» (с.34.). Думается, что от наличия в очерке квалифицированной по характеру и емкой по содержанию оценки отмеченной выше научной продукции, как сам очерк, так и монография в целом, несомненно, находились бы в более выигрышной ситуации¹⁰.

лентности, в которой находился Казахстан в первой половине 1990-х годов, деятельность Комиссии была свернута.

¹⁰ Попутно заметим, что в подавляющем большинстве изданных документальных сборников качество опубликованных документов оставляет желать лучшего, сборники подготовлены на низком археографическом уровне, содержат целый ряд погрешностей грамматического и стилистического характера, имеются пропуски в названиях некоторых документов, нарушена хронология воспроизводства документов, слабо проработан научно-справочный аппарат, комментарии к документам даны в единичных случаях. Здесь, также как и в случаях с публикациями отдельных документальных сборников в постсоветской России, ярко проявился «феномен так называемой „ксероксной археографии“, заключающийся в поспешных публикациях „голых“, не откомментированных, с ошибками и опечатками воспроизведенных документов» // Тепляков А.Г. Деятельность органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД (1917–1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты: моногр. Новосибирск: НГУЭУ, 2018. – С.270. К тому же добавим, что в составе авторских коллективов целого ряда сборников разной тематической направленности фигурируют одни и те же фамилии. А это, в свою очередь, не может не вызывать соответствующих вопросов. Все это в своей совокупности заметно принижает место сборников в историографии и источниковедении рассматриваемой нами проблематики, существенно ограничивает их роль в осмыслении политической истории Казахстана 1920-1950-х годов. Более детально этот вопрос рассмотрен в нашей книге «Вооруженные восстания и повстанческие движения 1929-1931 годов в Казахстане: историография и источниковедение». – ТОО «Типография Арко», Караганда, 2024. – С. 97-106.

Я не разделяю оптимизма автора очерка относительно ожиданий дальнейшего изучения проблемы по тематике репрессий за авторством членов рабочих групп. По инерции опубликуют энное количество статей по отдельным сегментам истории политических репрессий 1920-1950-х годов за счет набранного в ходе работы в Госкомиссии архивного материала. Но для серьезного прорыва этого будет недостаточно. Поскольку проблематичным будет допуск в спецгосархивы, возможность скорого и полноценного изучения перемещенных в АПРК архивно-следственных и других дел, ну и активно начнет работать фактор «физической усталости и угасания энтузиазма исполнителей, их моральной неудовлетворенности от неосязаемых результатов труда, оставшегося без общественного признания». (с.37-38).

На мой взгляд, излишними выглядят отдельные пассажи, характеризующие посещения К. Токаевым ряда регионов в 2019 году от которых отдает сервильностью. И это при том, что перед этим автор позитивно оценивает суждение политолога Аскара Нурши о том, что с уходом Назарбаева «ученые и простые граждане уже не смотрят на отечественную историю глазами Елбасы» (с.25). Здесь автор вступает в явное противоречие с самим собой.

Подводя итог характеристике очерка «Историографическая ситуация» замечу, что он всецело претендует на то, чтобы его блестящее содержание было развернуто в полноценное монографическое исследование, в котором, наряду с историографией, будет представлено и источниковедение проблемы. Что, на мой взгляд, существенно обогатит не столь уж и объемную проблематику Большого террора.

Касаясь Предисловия, отмечу, что в нем следовало бы представить более детальную характеристику состава и содержания каждой группы документов, акцентируя внимание на репрезентативных возможностях не только самих групп, но и на отдельных блоках «профильных» документов, которые тематически связаны друг с другом. Такая практика общепринята при подготовке документальных сборников. Она позволяет более четко и выпукло высветить информационный потенциал публикуемых документов и материалов, оттенить общее и особенное выделяемых групп, ранжировать их по ценности и значимости в общем массиве представленных

источников. Общеизвестно, что решение этой задачи требует не просто досконального знания содержания документов и материалов, но и глубоких источниковедческих знаний и навыков. Выполненное в предложенных параметрах Предисловие намного повысило бы ценность книги и заложило бы основы для полноценного источниковедческого исследования документов и материалов, представленных в сборнике.

Что касается замечаний в целом по книге, то здесь следует обратить внимание на отсутствие перечня названий опубликованных во втором разделе документов и материалов, наличие которых в документальных сборниках является общепринятой традицией.

Также не лишним была бы размещенная в приложении к книге портретная галерея сотрудников НКВД, фамилии которых представлены в документах и материалах. Фотографии многих из них были опубликованы в российских изданиях не всегда доступных для отечественных читателей.

Думается, что второй раздел выглядел бы более полным при публикации в нем документов, положивших начало «чистки чистильщиков», а именно – постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 сентября 1938 года и приказ Берии №00762 «О порядке осуществления постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 сентября 1938 года». Публикация этих документов, явившихся организационно-правовой основой «восстановления социалистической законности» позволила бы лучше представить подоплеку процесса «дисциплинирования» чекистских кадров.

В книге встречаются и досадные опечатки. Так, в именном указателе карагандинская исследовательница Елеуханова С.В. выведена под фамилией Елеуханов (с.333); в названии статьи Т.К.Алланиязова «Против дилетантизма в изучении истории народных восстаний 1929-1931 гг.» во втором слове имеется лишняя буква (с.45); Полномочные представительства ГПУ являлись координирующими надстройками, а не настройками (с.48).

Теперь несколько пожеланий на будущее.

Попытка авторов посредством содержания опубликованных документов донести до читателей индивидуальное и коллективное мирозерцание чекистов второй половины 1930-х годов,

их представления о ценности жизни и смерти, чем они руководствовались в своей работе, в своем повседневном поведении, как развивалась их служебная карьера, почему они осознанно шли на явные правонарушения, каков был духовный облик работника НКВД и иные составляющие портрета среднестатистического сотрудника силового органа нацеливает читательскую аудиторию на самостоятельный поиск ответов на перечисленные вопросы. Однако потребности исторической науки диктуют настоятельную необходимость в появлении монографического исследования, в котором будет представлена авторская версия ответов на эти вопросы в контексте исторического полотна раскрывающего вертикали и горизонтали Большого террора в Казахстане.

Наряду со многими сюжетными линиями истории Большого террора, которые нуждаются в дальнейшей углубленной разработке, хотел бы обратить внимание на следующий аспект. Разработка портретов сотрудников НКВД второй половины 1930-х годов будет более полной, если ей будет предшествовать аналогичная разработка «героического» облика сотрудников ПП ОГПУ в Казахстане конца 1920-х – начала 1930-х годов. Оперативные работники того времени принимали самое активное и непосредственное участие в силовом подавлении вооруженных выступлений казахских шаруа – как в составе воинских подразделений, так и в многочисленных спецоперациях в составе оперативных групп по нейтрализации руководителей и активных участников повстанческого движения. Эта практика существенным образом отличалась от тех действий сотрудников НКВД, которые имели место в период Большого террора. В первом случае чекисты с оружием в руках воевали против вооруженного противника. Во втором случае массовые операции проводились, как правило, против мирного гражданского населения. В этой связи выявление сходства и различия в портретах ГПУшников и НКВДшников, общего и особенного в их поведенческом стереотипе, психологии, безусловно, было бы выигрышным для исследований их биографий. На это меня наталкивает краткий послужной список упомянутого, причем в нейтрально-позитивном ракурсе, в очерке «Ежовые рукавицы» для чекистов. Эхо Большого террора» старшего лейтенанта ГБ Низюлько, который сделал блестящую ка-

рьеру – от рядового оперативника до замначальника УНКВД Гурьевской области. Этому во многом способствовала его деятельность в ходе подавления повстанческого движения в районах Семипалатинского округа в 1930-1931 года. Работая в тот период под руководством С.А. Бак¹¹, польский интеллигент Семен Николаевич продемонстрировал себя как усердного исполнителя приказов начальства нацеленных на зачистку карательными методами районов округа от верхушечных слоев казахского аула, принявших участие в силовых акциях протеста против политики скотозаготовок и коллективизации.¹² Здесь важно выяснить – КОГДА и КАК Низюлько и ему подобные чекисты-гпушники из «рыцарей без страха и упрека», каковыми они считали себя в бытность борьбы с участниками вооруженных выступлений стали обычными палачами широких слоев мирного населения в период Большого террора.

К этому добавлю необходимость создания исследований, в которых будут прослежены биографии казахстанских чекистов, начиная с 1920-х годов, для чего понадобятся дальнейшие изыскания различных источников – официальных документов, оперативных материалов, личных архивов и др.

В завершении отметим, что книга в целом демонстрирует образец нового подхода к изучению политических репрессий посредством фокусирования внимания к персональной истории тех, кто ее непосредственно проводил. Своим появлением она вывела на качественно новый уровень разработку репрессивной проблематики в республике. Безусловно, что она станет краеугольным камнем в складывающейся Отчужденной историографии Большого террора, поскольку будет способствовать дальнейшему исследованию, обсуждению и осмыслению истории политических репрессий второй половины 1930-х годов в Казахстане.

¹¹ Самуил Аркадьевич Бак, начальник Семипалатинского оперсектора ПП ОГПУ в Казахстане.

¹² См.: Алланиязов Т.К., Таукенов А.С. Шетская трагедия (Из истории антисоветских вооруженных выступлений в Центральном Казахстане в 1930-1931 гг.). Алматы: «XXI век», 2000. – С.83-84, 103.